

ПРАЦІ МОЛОДИХ НАУКОВЦІВ

Александра Томоруг (Черновцы)

ТРАНСФОРМАЦІЯ АРХЕТИПА ПРЕДАТЕЛЬСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВВ.

Предательство – один из самых актуальных вопросов в наше время, в дни различных сомнений, шаткости идеалов и непонимания людьми друг друга. У каждого писателя, обратившегося за вдохновением и материалами к Библии, оказались свои пристрастия и свои "любимцы веков", но есть такие сюжеты и образы, которые век за веком, волнуя воображение, вновь и вновь возвращались в новых художественных интерпретациях писателей и поэтов разных времен. Более других новозаветных библейских образов веками поражала, например, изображение художников злоедающая фигура Христова ученика Иуды, за малую сумму предавшего Учителя врагам на поругание и мученическую смерть. Легенда об Иуде и его, как выразился когда-то М.Горький, "торговом дельце" зафиксирована канонизированными текстами Евангелий с очень незначительными разночтениями. А «идея человеческой множественности образа, развиваемая в литературе, делает Иуду архетипической моделью поведения, которая абсолютизируется как проявление одной из сторон индивидуального мировидения» [10, с.228].

Евангельская персонификация архетипа предательства не имеет в канонических текстах достаточно убедительного обоснования. Противоречия евангельских сказаний сформировали основные направления интерпретации новозаветного персонажа с одной стороны, поступок Иуды рассматривается как величайшее злодеяние против человечества; с другой – существовавшая во втором веке секта каинитов «понимала предательство Иуды Искариота как исполнение высшего служения, необходимого для искупления мира и предписанного самим Христом». Если первое направление использовалось писателями для создания в контексте произведения аксиологически сложного символического плана, то различные нравственно-психологические мотивировки обусловили не только интенсивную разработку событийного плана, но и всестороннее исследование сложных нравственных проблем, возникающих перед индивидуумом в экзистенциальных ситуациях [подробнее смотри: 10, с.228].

Идея человеческой множественности образа предателя, которая развивалась и еще не раз будет осмысливаться авторами, делает Иуду архетипической моделью поведения, которая абсолютизируется как проявление одной из сторон индивидуального мировидения. Многосторонность трактовки образа Иуды мировой литературой, считает А.Нямцу, «подтверждает сложность и противоречивость евангельской загадки, ибо в новозаветных текстах емко выражена одна из основополагающих проблем индивидуального бытия, вступающего в антагонистические отношения с общечеловеческим идеалом» [10, с.230].

Еще в начале века польский исследователь А.Немоевский подчеркнул, что «образ Иуды – результат опыта, психологический продукт житейской правды. Его имя – символ, но этот символ стал уже избитым. ...образ Иуды является нравственно-психологическим концентратом универсальной поведенческой модели, вобравшей в себя определенную часть общечеловеческого опыта. Именно этим объясняется тот факт, что «образ рыжеволосого предателя Иуды, предающего своего учителя поцелуем любви в руки грубой силы за ничтожную плату в тридцать сребреников, стал каким-то привидением. Он встречается везде. Можно было бы составить музей Иуды из картин и скульптур знаменитых художников, из тысяч романов, новелл и поэм, этических трактатов и революционных стихотворений» [8, с.218].

Количество примеров можно значительно увеличить, так как образ Иуды на протяжении веков в различных вариантах активно используется в качестве общезначимого архетипа предательства и последующей неотвратимой расплаты за содеянное. Относительная однозначность интерпретации образа Искариота на протяжении многовекового литературного функционирования претерпевает качественные изменения в конце XIX-XX вв. На первый план выдвигается не констатация факта предательства, а исследование нравственно-психологических мотивировок содеянного с точки зрения национально-исторического своеобразия конкретной литературы и общечеловеческих этических представлений.

Г.В.Ф.Гегель считал, что «жадность была, по-видимому, самой сильной страстью Иуды, общение и Иисусом не изменило его образ мыслей в лучшую сторону. Жадность, вероятно, и побудила его стать на сторону. Жадность, вероятно, и побудила его стать на сторону Иисуса, ибо он надеялся удовлетворить ее, когда Иисус воздвигнет свое мессианское царство. Увидев же, что Иисус преследует совсем иные цели и не помышляет о подобном царстве, и убедившись в тщетности своих надежд, Иуда попытался предательством извлечь пользу из своей близости к Иисусу» [4, с.87-88].

С. Булгаков, например, утверждал, что «в свою любовь к Иисусу Христу Иуда вложил... фанатическую мечту о Мессии, как земном царе, который освободит еврейский народ извне от политического порабощения и изнутри – от разделения на бедных и богатых. Он считает Иуду революционером, который преувеличивает значение материальной стороны жизни и является своего рода мессианским марксистом, большевиком. Трактат С. Булгакова «Иуда Искариот – Апостол Предатель» наряду с утверждением значительности образа предателя «содержит в себе также отчетливое разоблачение глубины его зла и научает бояться сатанинского греха, который именно вследствие своей громадности пронизывает душу многих высокоодаренных людей так, что они не способны усмотреть его и вступить в борьбу с ним. Правда, Иуда Искариот при том понимании его, которое дано Булгаковым, вызывает к себе жалость; но это и есть правильное отношение к грешному человеку и его вине – ужасаться греха и жалеть грешника» [смотри подробнее: 9, с.238].

Потому, возможно, рассказ Л. Андреева, хотя и написанный в начале века, так популярен сегодня: интересна оценка автором мотивов предательства (отличающаяся парадоксальным взглядом), исследуется цель поступка заглавного героя и предпосылки к нему. Неожиданной воспринимается и «очевидная нетрадиционность образа Иуды, сложность его духовного мира и неоднозначность мотивов предательства, которые определили и противоречивость критических оценок трактовки» [10, с.237] В основе сюжета рассказа, что мы наблюдаем и в других андреевских произведениях, лежит евангельская история, хотя, как писал Горький, “в первой редакции рассказа “Иуда” у него оказалось несколько ошибок, которые указывали, что он не позаботился прочитать даже Евангелие”.

Действительно, используя евангельский сюжет, автор весьма субъективно осмыслил его. Как же понимать психологию поступка Иуды в рассказе Л.Андреева, что заставило его предать Иисуса, нарушив тем самым, казалось бы, все законы нравственности и морали? С самого начала и на протяжении всего рассказа звучат слова “Иуда Предатель”. Такое имя укоренилось в сознании людей изначально, и Андреев принимает и использует его, но лишь как “прозвище”, данное людьми. Для писателя Иуда во многом символический предатель. У Андреева Иуда в самом начале рассказа представлен как весьма отталкивающий персонаж: неприятна уже его внешность (“безобразная бугровая голова”, странное выражение лица, как бы разделенного пополам), странен переменчивый голос “то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха”.

Отталкивают его слова, “как гнилые и шероховатые занозы” [1, с. 236]. Итак, с самого начала повествования мы видим, как порочна природа Иуды, преувеличено его безобразие, асимметричность его черт. А в дальнейшем поступки Иуды будут удивлять нас своей несущностью: в разговорах с учениками он то молчалив, то чрезвычайно добр и радушен, что даже пугает многих его собеседников. С Иисусом Иуда подолгу не разговаривал, но «Иисус любил Иуду, как и других своих учеников, часто искал глазами Иуду и интересовался им, хотя Иуда, казалось бы, недостоин этого. Рядом с Иисусом он выглядел низким, глупым и неискренним. Иуда постоянно лгал, так что нельзя было знать, правду говорит он в очередной раз или лжет» [10, с.240].

Вполне можно объяснить великий грех Иуды – предательство Учителя своего – натурой Иуды. Ведь возможно, что его зависть к чистоте, непорочности Иисуса, его неограниченной доброте и любви к людям, на которые Иуда не способен, привели к тому, что он решил погубить своего учителя. Но это лишь первое впечатление от рассказа Л. Андреева. Почему автор в начале рассказа и потом много раз сравнивает Иисуса и Иуду? “Он (Иуда) был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус” [1, с. 242], т. е. писатель ставит в один ряд два таких; казалось бы, противоположных образа, он сближает их.

Между Иисусом и Иудой, как кажется, существует какая-то связь, они постоянно соединены невидимой ниточкой: глаза их часто встречаются, и мысли друг друга они почти угадывают. Иисус любит Иуду, хотя и предвидит предательство с его стороны. Но и Иуда, Иуда тоже любит Иисуса! Он любит его безмерно, он благоговеет перед ним. Он внимательно вслушивается в каждую его фразу, чувствуя в Иисусе какую-то мистическую власть, особенную, заставляющую каждого слушающего его преклоняться перед Учителем. Когда же Иуда обвинил людей в порочности, лживости и ненависти друг к другу, Иисус стал отдаляться от него. Иуда чувствовал это, воспринимая все очень болезненно, что тоже подтверждает неограниченную любовь Иуды к своему Учителю. Поэтому не удивляет стремление Иуды сочинение с приблизиться к нему, быть постоянно рядом с ним. Возникает мысль, не явилось ли предательство Иуды способом приблизиться к Иисусу, но совершенно особым, парадоксальным путем. Учитель погибнет, уйдет из этого мира Иуда, и там, в другой жизни, они будут рядом: не будет Иоанна и Петра, не будет других учеников Иисуса, будет лишь Иуда, который, он уверен, больше всех любит своего Учителя.

При чтении рассказа Л. Андреева нередко возникает мысль, что миссия Иуды предопределена. Ни один из учеников Иисуса не смог бы вынести такое, не смог бы принять на себя такую участь. Действительно, у Андреева образы других учеников – лишь символы. Так, Петр ассоциируется с камнем: где бы он ни был, что бы он ни делал, – везде используется символика камня, даже с Иудой он состязается в кидании камней. Иоанн – любимый ученик Иисуса – это нежность, хрупкость, чистота, духовная красота. Фома прямодушен, тугодум, в действительности, – Фома неверующий. Даже глаза Фомы пусты, прозрачны, в них не задерживается мысль. Так же символичны образы других учеников: никто из них не смог бы предать Иисуса. Иуда – вот тот избранник, которому выпала эта участь, и только он способен на сотворчество в подвиге Иисуса – он тоже приносит себя в жертву. Заранее зная о том, что он предаст Иисуса, совершит такой тяжкий грех, он борется с этим: лучшая часть его души борется с предначертанной ему миссией. И душа не выдерживает: победить предопределение невозможно.

Итак, Иуда знал, что будет совершено предательство, будет смерть Иисуса и что он убьет себя после этого, он даже наметил место для смерти. Он спрятал деньги, чтобы потом бросить их первосвященникам и фарисеям – то есть вовсе не в алчности была причина предательства Иуды. Совершив злодеяние, Иуда обвиняет в этом... учеников. Его поражает то, что, когда учитель умер, они могли есть и спать, могли продолжать прежнюю жизнь без Него, без своего Учителя. Иуде же кажется, что жизнь бессмысленна после смерти Иисуса. Оказывается, Иуда не настолько бессердечен, как мы думали сначала. Любовь к Иисусу открывает многие скрытые дотоле положительные его черты, непорочные, чистые стороны его души, которые, однако, обнаруживаются лишь после смерти Иисуса, равно как со смертью Иисуса открывается предательство Иуды. Парадоксальная совокупность предательства и проявления лучших качеств в душе героя объясняется только предопределением свыше: Иуда не может победить его, но он и не может не любить Иисуса. И вся психология предательства заключается тогда в борьбе личности с предопределением в борьбе Иуды с предначертанной ему миссией.

Социально-политические и философско-психологические аспекты евангельского образа были всесторонне исследованы в многочисленных трактатах конца XIX – начала XX в. Литература в разных версиях предлагает трактовку самого ужасного в истории человечества предательства. Очень ярко и, пожалуй, точно выразился Н.О. Лосский, утверждая о необходимости понять и объяснить деяние Иуды, при этом не умаляя его греховности [смотри подробнее: 6, с.249-256]. Такая точка зрения возвеличивает Христа, его обогащению различными и многочисленными мотивировками.

Известный философ и писатель Р. Редлих в своем романе «Предатель» (1981) по-иному рассматривает мотив и причины содеянного предательства. Автор говорит об одиночестве, которое становится причиной смерти души и приводит к такому исходу: «Одинокое «я» так бессмысленно и ненужно, что носитель его может думать только о смерти... Одиночество – смерть души, ибо одинокий предательствует. Это глупости, что душа внутри нас. Душа там, где мы любим, вне нас, в других людях. Наши «я» только там, где есть «мы». Мы за все отвечаем и нам всем до всего есть дело» [12, с. 166-167]. Литературная история Иуды XX в. «подтверждает

в своих мотивировках доминантой абсолютное одиночество, которое и провоцирует сам поступок. Обреченность одиночества Иуды в современных интерпретациях новозаветного персонажа подтверждается неблагоприятным отношением к нему окружающих, нежелание понять и принять как одного из апостолов Христа» [9, с.230].

И все же, почему предал Иуда? Именно этот вопрос является сквозным в различных литературных интерпретациях. И возникает он из-за чрезвычайной краткости евангельского повествования об Иуде и его поступке, желания представителей разных эпох и поколений не только разгадать эту загадку, но и объяснить, вернее, понять психологию его поведения и причины, которые послужили катализатором его действий.

В своем исследовании личности Иисуса Христа Д.С. Мережковский в главе об Иуде говорит: «Память о том, что действительно побудило Иуду предать Иисуса, заглохла уже в самих Евангелиях... Кажется, действительной причины Иудиного предательства евангелисты не знают, не помнят, или не хотят вспоминать, может быть потому, что слишком страшно... Образ Иуды, каким он является в евангельских свидетельствах, – только непонятное страшилище. Но, если бы мы могли заглянуть в то, что действительно было в этом предательстве, то, может быть, мы увидели бы в нем проблему зла, поставленную так, как больше нигде и никогда в человечестве» [10, с.231-232]. Действительно, автор затронул самую «суть» вопроса, который, фактически, и открывает дверь к разгадке соделанного.

Сложную систему мотивировок поступка Иуды конструирует Х.Л. Борхес в рассказе «Три версии предательства Иуды». Первая версия гласит о том, что «предательство Иуды не было случайным, оно было деянием предопределенным, занимающим свое таинственное место в деле искупления... Слово, воплотившись, перешло из вездесущности в органическое пространство, из вечности – в историю, из безграничного блаженства – в состояние изменчивости и смерти; было необходимо, чтобы в ответ на подобную жертву некий человек, представляющий всех людей, совершил равноценную жертву. Этим человеком и был Иуда Искариот» [3, с.117-118]. Вторая версия говорит: «Аскет, ради вящей славы Божией, оскверняет и умерщвляет плоть; Иуда сделал то же со своим духом. Он отрекся от чести, от добра, от покоя, от царства небесного... Он полагал, что блаженство, как и добро, – это атрибут божества и люди не вправе присваивать его себе» [3, с.118-119]. Третья же версия – фантастичная – уничтожает грань между Иисусом и Иудой и строится по принципу «один вместо другого»: «Бог стал человеком полностью, но стал человеком вплоть до его низости, человеком вплоть до мерзости и бездны. Чтобы спасти нас, он мог избрать любую судьбу из тех, что плетут сложную сеть истории; он мог стать Александром или Пифагором, или Рюриком, или Иисусом; он избрал самую презренную судьбу: он стал Иудой» [3, с.120].

Как было на самом деле, наверно, не дано узнать. И потому образ Иуды Искариота останется вечной тайною. Справедливо или по ошибке, но имя Иуды навсегда стало символом всемирного предательства. Как известно, Данте поместил его в самом последнем круге, как символ наиболее тяжкого греха. Вмерзший в лёд Дит в каждой из своих трех пастей терзает по предателю: Брута, Кассия и Иуду. Веками сложившийся стереотип разрушать трудно, а, возможно, и не стоит. Разрушение символов всегда чревато непредвиденными последствиями. Просто, пожалуй, стоит различать конкретного его носителя, конкретную личность от созданного на основе ее мирового образа.

Описывая факт предательства и его мрачные последствия, евангелисты почти не уделили внимания объяснению причин чудовищного поступка. Марк просто констатировал факт: пошел и предал. Матфей намекнул на корыстолюбие Иуды: "...сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю его" (Матфей, 26:15). Лука вообще освободил предателя от личной ответственности за содеянное, переложив ее на вечного врага человеческого: "...вошел же Сатана в Иуду, прозванного Искариотом" (Лука, 22:3). И только апостол Иоанн попытался проникнуть в тайну души предателя. Его рассказ – психологическое повествование в простейшем варианте. Он дает наброски характера, его Иуда двоедушен и корыстолюбив: "Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор" (Иоанн, 12:6). В логике этого характера усматривается и повод к поступку. Святое благовествование от Иоанна – первая художественная обработка сюжета об Иуде-предателе с намеками на психологизм. За ней последовали тысячи других, все более сложных литературных интерпретаций, в том числе и русских.

Художественный образ, активно внедрялся в сферу насущных общественных проблем разных этапов русской общественной жизни. В разные эпохи общественного развития миф о

предателе Иуде привлекал русских писателей разными сторонами его смысла. Классическая литература XIX века, формировавшаяся в атмосфере становления, триумфа и банкротства капитализма, разрабатывала евангельский сюжет прежде всего как "торговое дельце". В век торжества капитала, когда и нравственные ценности измеряются в денежных знаках, на первый план в древней истории выступили тридцать сребреников: слова "предать" и "продать" воспринимались как синонимы. Именно так объяснен "иудин грех" преступного старосты в поэме Некрасова "Кому на Руси жить хорошо":

Глеб – он жаден был – соблазняется:
Завещание сожигается!
На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей...
Все прощает Бог, а иудин грех
Не прощается [7].

Концентрацией тенденции появилась в 1890 году поэма Павла Попова "Иуда Искарот". Вся история заглавного героя с момента зачатия, когда буйно кощунствовал против Бога его отец "заимодавец-фарисей", и до позорной смерти на осине – это обличение "беспокойного и продажного века" господства капитала:

В домах и семьях, Кариота
У иудеев и римлян
Одна насущная забота;
Вaalом каждый обуян.
Пророков нет во Иудее,
У Рима боги – пали в прах;
И размножаются злодеи... [11].

Божественное проклятье за грехи отца и порочное воспитание Иуды сплелись здесь в цепь причин, сформировавших предательство, но вторая причина явно главенствует. Представив древнюю историю в новом освещении, автор поэмы признает, что его упования на воспитательное значение древней легенды невелики: продажный век ежедневно порождает столько нравственных преступлений на почве стяжательства, что литературный ("бумажный") Иуда кажется на этом фоне почти безвредным. И все же хочется верить поэту, быть может,

...от зла он многих оттолкнет
Своею мрачною судьбою –
И этим пользу принесет [11].

Так на переломе от депрессивных 80-х годов прошлого века к десятилетию, освещенному возрождением освободительных иллюзий, евангельский антигерой был поставлен литературой на службу концепции "малых дел", рожденной отчаянием загнанной в тупик народнической мысли.

Из глубины померкнувших столетий
Явил ты мне, непонятый мой брат,
Твой жгучий терн в его победном свете [13].

Расхожая мудрость учит: "Понять – значит простить". Именно потому М.Горький статьей "О современности" (1912) яростно восстал против "психологизации" темы Иуды, полагая ее путем к реабилитации предательства. Такую акцию и впрямь можно усмотреть, например, в переводной повести Тора Гедберга "Иуда, история одного страдания", изданной в 1908 году. Переводчица характеризовала это произведение как попытку с чувством сострадания показать "сложный и извилистый" душевный процесс, ведущий к предательству. Еще сложнее психологическая подоплека "Трагедии о Иуде, принце Искаротском" А. Ремизова (1908), но задача драмы та же: "понять – простить". Трагическая коллизия (на душе Иуды двойной невольный грех – отцеубийства и кровосмешения) определила ему новую роль. Он должен стать предтечей пророка, который уже остановился на распутье и "ждет к себе другого": "...и такой должен придти к нему измученный, нигде не находя себе утешения, готовый принять на себя последнюю и самую тяжелую вину, чтобы своим последним грехом переполнить грех и жертвою своею открыть Ему путь... Предательство ("последняя вина") – путь к свету; предатель Иуда – предтеча Искупителя. От такой перетасовки мотивов и следствий и пришел в свое время в ярость автор статьи "О современности".

Некоторые писатели вечную нравственную проблему "иудина греха" трактовали в ту пору в свете тревожного массового богоискательства, пришедшего на смену революционной эйфории первого десятилетия века. Практически это была попытка пересмотра самого Христова учения, а Иуде отводилась роль главного оппонента. Именно такой смысл имело порядком на шумевшее тогда стихотворение А.Рославлева "Иуде" (1907). Здесь Иуда – "непонятый брат", протестант, мститель за вековое рабство народа, не преодоленное "рабскими, нищими словами" слабого Учителя:

Вот распят он, но лик его судьбы
Не возбудил кровавой жажды мщенья.
Рабы стоят и смотрят, как рабы.
Ты проклял их... [13].

Освобожденный от библейского канона, антигерой старинной легенды помогал литературе на разных этапах ее развития исполнять свою общественно-воспитательную роль, вмешиваясь в сложные проблемы смены социальных систем, банкротства религиозных устоев, больших тенденций общественной психологии – с целью утвердить некие абсолютные, общечеловеческие нравственные основы.

Литература

1. Андреев Л.Н. Иуда Искариот // Андреев Л.Н. Собр. Соч. в 6 т. Т.2. – М.: Худож. лит., 1990. – С.210-264, 530-534.
2. Бакланов Г. Меньший из братьев // Дружба народов. – 1981, №6. – С. 31.
3. Борхес Х.Л. Три версии предательства Иуды // Борхес Х.Л. Проза разных лет: Сборник. – М.: Радуга, 1984. – С.116-120.
4. Гегель Г.В.Ф. Жизнь Иисуса // Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2-х т. Т. I. – М.: Мысль, 1975. – С.35-100.
5. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Лит. наследство. – Т.72. – М., 1965. – С. 338, 390.
6. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
7. Некрасов Н. Соч. в 3-х т. – М., 1953. – С.216-217.
8. Немоевский А. Бог Иисус: Происхождение и состав Евангелий. – Пг.: Госиздат, 1920. – XVI, 286 с.
9. Нямцу А.Е. Идеи и образы Нового Завета в мировой литературе. Часть I. – Черновцы: Рута, 1999. – 328 с.
10. Нямцу А.Е.. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования). – Черновцы: Рута, 2007. – 520 с.
11. Попов П. Иуда Искариот: Поэма. – СПб., 1890. – С.6.
12. Редлих Р. Предатель. – СПб: МГП «Петрополис», 1992. – 191 с.
13. Рославлев А. Иуде // В башне. – Кн. I. – СПб., 1907.

